

Е.В. Литовских

КТО НЕ РИСКУЕТ, ТОТ НЕ СОЗДАСТ ГОСУДАРСТВА

Данная работа представляет собой рецензию на недавно вышедшую книгу американского саговеда Орена Фалька о первом периоде исландской истории (от заселения острова до 1262 г., т. н. «периоде независимости»): *Falk O. Violence and Risk in Medieval Iceland: This Spattered Isle*. Oxford: Oxford University Press, 2021. XIII, 358 p. ISBN: 978-0-1988-6604-6. DOI: 10.1093/oso/9780198866046.001.0001. Фальк обращается не только к широко известным (давно переведенным на многие языки, и русский в том числе) родовым сагам и «Саге о Стурлунгах», но и к сагам и прядям, редко привлекаемым в качестве источников, а потому слабо известным (или совершенно не известным) широкому читателю. Особое внимание Фальк уделяет анализу «Саги о Гудмунде Арасоне», холарском епископе начала XIII в., сыгравшем большую роль в распрях эпохи Стурлунгов, которые в конечном итоге привели к потере Исландией независимости.

Фальк разработал новые аналитические модели в источниковедении и нарратологии, вводя в рамках структуралистского подхода теорию риска в анализ исландских саг. Он строит новую глубоко фундированную культурно-историческую модель для понимания насилия и предлагает новый подход к изучению исторической памяти, выдвигая концепцию «ухронии» (*uchronia*) – «вневременности».

Кроме того, Фальк раскрывает связь экологических рисков (для Исландии это, в первую очередь, вулканическая деятельность) и социальных процессов. Он полагает, что насилие в социальной и политической сфере, в средневековой Исландии выражавшееся в межродовых распрях, блокировало зарождение государства на острове, равно как и открытые военные действия, а риски в окружающем мире (в первую очередь, последствия вулканической деятельности) способствовали «приручению» природы через очеловечивание окружающей среды. Как стремится показать Фальк, насилие в средневековой Исландии предлагало некоторые из самых универсальных решений проблем индивидуальных и кол-

* Работа подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема FZNF-2023-0003 «Традиции и ценности общества: механизмы формирования и трансформации в контексте глобальной истории», номер темы 1022040800353-4-6.1.1;5.9.1).

лективных социальных действий, технологию для смягчения и перенаправления рисков в мире, где предсказуемость всегда была в почете.

Ключевые слова: Исландия, саговедение, источниковедение, «Сага о Гудмунде Арасоне», теория риска, историческая антропология

В 2021 году в издательстве Оксфордского университета вышла книга профессора Корнуэльского университета, специалиста по истории Исландии и древнескандинавской литературе, Орена Фалька «Насилие и риски в средневековой Исландии: этот запятнанный остров» (“Violence and Risk in Medieval Iceland: This Spattered Isle”). Несмотря на устрашающе кровавую обложку, больше ассоциирующуюся с художественными триллерами, это – серьезное глубоко фундированное научное исследование. Оно будет интересно не только саговедам, но и филологам и историкам других направлений, а также антропологам и культурологам. В отечественной исторической науке (за исключением скандинавистики), исторической антропологии и культурологии до сих пор сохраняются представления об Исландии и ее истории и сагах как историческом источнике на уровне середины XX в. В лучшем случае они опираются на работы А.Я. Гуревича (1972; 2009), а зачастую и просто на давно устаревшую популярную книгу Эйнара Ольгейрссона (1957).

О. Фальк не только обладает энциклопедическими знаниями и досконально владеет источниковым материалом, он умеет доступно (и в то же время аргументированно) донести всё это до читателя. Для подкрепления своей точки зрения он обращается как к широко известным родовым сагам и «Саге о Стурлунгах», так и к сагам и прядям, редко привлекаемым в качестве источников и потому слабо известным (или совершенно не известным) широкому читателю. В первую очередь, сюда следует отнести незаслуженно обходимые стороной епископские саги, специфический под-жанр (или: вид) исландских саг, богатый латинизмами и аллюзиями на мотивы европейской агиографической литературы. Особое внимание Фальк уделяет анализу «Саги о Гудмунде Арасоне» (*Guðmundar saga Arasonar*)¹, холарском епископе начала XIII в., сыгравшем большую роль в распрях эпохи Стурлунгов, которые в конечном итоге привели к потере Исландией независимости.

Новизной отличается и взгляд Фалька на средневековую исландскую историю. Казалось бы, период до 1262 г. (когда Исландия попала под власть норвежской короны) всегда привлекал к себе наибольшее внимание ученых и поэтому лучше всего исследован, рассмотрен со всех сторон и с привлечением всех возможных источников, но и тут Фальку удалось сказать свое слово. Он разработал новые аналитические моде-

¹ На русский язык не переводилась, основное издание: Saga Guðmundar Arasonar 1878.

ли в источниковедении и нарратологии, вводя теорию риска (изначально математическую, но принятую на вооружение вслед за британским антропологом Мэри Дуглас [Douglas, Wildavsky 1982] в 80-х гг. XX в. социологами и культурологами) в анализ исландских саг. В широком смысле риски рассматриваются М. Дуглас в качестве социального механизма, помогающего культурам определить основные векторы развития цивилизации. Риски в ее представлении приобретают политизированный характер, т.к. люди склонны перекладывать ответственность за свои неприятности на тех, кто виноват в изменении их привычного образа жизни, и в результате любые дискуссии о риске сводятся к поиску тех, кто должен будет понести за них ответственность перед социумом. Именно с этой точки зрения О. Фальк анализирует историю Исландии.

Книга состоит из пяти глав и приложения, в котором описывается структуралистский подход к анализу нарративных источников.

В первой главе своей работы О. Фальк подробно излагает теоретико-методологическую основу исследования. Прежде всего, это три базовых для анализа риска понятия (*полезность, регрессия и диверсификация*), которые позволяют моделировать риск как меру насилия. В этой главе вводятся ключевые термины, используемые на протяжении всей книги: *насилие* («силовое физическое действие, способное причинить вред»), *власть, риск*, а также *величина риска, вероятность, сферы и домены*. Главная предпосылка, лежащая в основе теории риска, заключается в том, что ни один субъект никогда добровольно и сознательно не ищет рисков, и если исследователям кажется, что это не так, необходимо понять точку зрения и мотивацию субъекта.

До О. Фалька в трактовке насилия у ученых гуманитарного профиля доминировала бинарная теоретическая ориентация, сопологающая власть и насилие. Фальк ссылается здесь на классические труды Норберта Элиаса, Мишеля Фуко и Джонатана Флетчера (Elias 1939; Foucault 1976–1984; Fletcher 1997). Критика данного подхода приводит Фалька к добавлению в эту схему концепции риска и к формулировке новой, трехчастной модели насилия как движущей силы истории (с. 35). С точки зрения Фалька, именно риск действует как связующая категория, выявляющая уникальные черты, которые насилие привносит в борьбу за господство и власть.

Во второй главе смоделированная О. Фальком концепция насилия проверяется на нескольких эпизодах из жизни католического епископа Гудмунда Арасона (1161–1237 гг., еп. с 1203 г.), ключевым из которых можно считать столкновение в Хельгастадире, усадьбе на севере Исландии, осенью 1220 г.

Фальк отрицает постулируемую многими исследователями уникальность развития Исландии на фоне всей европейской истории и принци-

пиальные различия между такими исландскими социальными слоями, как бонды (д.-исл. *bóndi* ‘хозяин, свободный человек’) и хёвдинги (д.-исл. *höfðingi* ‘предводитель, могущественный, знатный человек’). Как стремиться показать Фальк, насилие в средневековой Исландии предлагало некоторые из самых универсальных решений проблем индивидуальных и коллективных социальных действий, технологию для смягчения и перенаправления рисков в мире, где предсказуемость всегда была в почете.

В этой же главе О. Фальк развивает и апробирует на саговых примерах концепцию *ухронии*, «вневременности» (*uchronia*), позаимствованную им у датского антрополога Кирстен Хаструп (о чем он сообщает только в Приложении на с. 300 своей книги). Ухрония – это мотивированная культурная память, воссоздающая историческую подлинность (независимо от фактологической надежности). Она подразумевает не строгую запись событий прошлого, а скорее представление о нем. Ухрония, с точки зрения Фалька, позволяет разделить повествование (*récit*) и реальную историю (*histoire*) в терминологии автора теории повествовательного дискурса, французского структуралиста Жерара Женетта (о чем читаем лишь в примеч. 18 на с. 293); она сохраняет текстовую автономию от авторского намерения и обеспечивает соответствие между современным обществом и его собственным прошлым. Фальк рассматривает ухронию в качестве доминирующей идеологии прошлого и использует ее, чтобы объяснить, как различные тексты модулируют, формируют и изменяют историю (с. 79).

На мой взгляд, концепция ухронии Фалька очень близка к идее «синкретической правды», сформулированной более полувека тому назад выдающимся советским филологом-скандинавистом М.И. Стеблин-Каменским (1971. С. 14–37). Фальк вскользь упоминает об этой идее только в приложении, заканчивая свой обзор структуралистских подходов к пониманию истории, и никак не показывает ее близости к собственной теории. Напротив, он утверждает, что «*uchronia* отличается от “*Saga Iceland*” или подобных конструкций (вот тут-то он и упоминает “синкретическую правду”. – *Е. Л.*) своей содержательной деятельностью, своей способностью выходить за рамки текстов и, как утверждает Хаструп, изменять переживаемые реальности исландцев тринадцатого и четырнадцатого веков» (с. 301).

О. Фальк считает, что в средневековой Исландии насилие сыграло ключевую роль в создании ухронии. А это нашло, в свою очередь, отражение в саговом нарративе. Фальк полагает, что именно структура сагового текста (а не капризы исторических фактов или предвзятость автора) отводит насилию ключевую роль (с. 106–111). Исходя из этого, Фальк считает, что герои «Саги о Гудмунде Арасоне» (Свейн, Туми, Арнор, Сигхват, Стурла и сам Гудмунд) могут считаться подлинными носителя-

ми идеологии, воплощенной в историографии средневековой Исландии. Более того, Фальк утверждает, что средневековые исландцы, как и все люди, учились вести мирные переговоры отчасти через личный опыт, а отчасти через аккультурацию словесных обменов (с. 109). Таким образом, с его точки зрения, саги не только зафиксировали распространенное видение прошлого, но и выступили в качестве агентов педагогики, формируя определенные чувства и поведенческие стереотипы. Победа над неопределенностью любой ценой, утверждение абсолютной автономии перед лицом всех рисков, победа над шансами, даже если это означало отказ от всего: это было представлено как наивысшее возможное благо, к которому мог стремиться средневековый исландец.

В третьей главе та же самая методология применяется О. Фальком для анализа «Саги о Стурлунгах» (*Sturlunga saga*), «Саги о Гисли» (*Gísla saga Súrssonar*) и «Пряди о Торстейне Битом» (*Þórsteins þátr stangarhöggs*). Насилие в форме вражды, которое превратило каждое социальное взаимодействие в напряженную борьбу за индивидуальное первенство, также оказалось, по мнению Фалька, социально стабилизирующим механизмом. С точки зрения Фалька, риски вызывали постоянные индивидуальные столкновения, но тем не менее повышали общую социальную стабильность (с. 165). По Фальку получается, что в «эпоху Стурлунгов», которая традиционно воспринимается исследователями как период гражданской войны в Исландии, исландское общество только крепло. Однако не до конца понятно, почему такое укрепление общества привело к тому, что Исландия потеряла свою независимость и попала под власть Норвегии.

В четвертой главе О. Фальком делается попытка объяснить почти полное отсутствие войн в средневековой Исландии и саговом нарративе. В ней утверждается, что единая логика диктовала, с одной стороны, принятие вражды как социально-конструктивной идеи, а с другой – отвержение войны как социально-отторгаемой и отчуждаемой практики. Опираясь на антропологические примеры, Фальк разграничивает понятия *война* и *вражда*; при этом он подчеркивает непосредственную связь между войной и образованием государства и утверждает, что вражда воспринималась как социально-конструктивная идея, а война определялась как ее противоположность. Конфликт между войной, предполагающей политическую централизацию и дифференциацию и, как следствие, ориентированной на государство, и враждой, сопротивляющейся государству, существовал как в исторической реальности, так и в саговых рассказах об этом; и в реальности напряженность не всегда могла быть разрешена. Ухрония предоставила инструмент для творческого, ретроспективного текстового разрешения проблем, которые не могли быть преодолены на практике. Кроме того, Фальк полагает, что исландская модель вражды

окрашивала и взаимодействия с «чужими»: относительно близкими, такими как норвежские и англосаксонские короли, или более далекими, такими как североамериканские аборигены – «скрелинги» (с. 199).

Пятая глава представляет собой экскурс в экологическую историю острова и выводит изучение исландского насилия за пределы человеческой истории. Как отмечает О. Фальк, родовые саги на удивление неохотно описывают опасности, создаваемые природной средой. Чтобы объяснить такую аномалию, Фальк в этой главе противопоставляет молчание саг о природных катаклизмах их фиксации на человеческом насилии. Подобное отношение к природным явлениям наблюдается и в смежных жанрах древнеисландской литературы, в первую очередь, в агиографии и анналах. По мнению Фалька, для того, чтобы придать своему миру смысл, исландцам пришлось преобразовать реальные природные опасности в ухронические описания физической подлости человека. Стихийные бедствия в сагах либо подавляются повествованием, «натурализуются» до такой степени, что фактически заглушаются и вычеркиваются, либо подчиняются антропоморфному фактору, «очеловечиваются» до такой степени, что выпадают из категории дикой природы и попадают в «поле» человеческой культуры.

Фальк отмечает, что средневековые скандинавы жили и действовали в природной среде, продуцировавшей постоянные риски – гораздо большие, чем наш современный мир, и даже большие, чем в подавляющей части средневековой Европы. И это притом что во все времена и во всех местах люди и сообщества должны были участвовать в постоянном принятии решений в условиях неопределенности, хотя большая часть этого, благодаря институционализации механизмов оценки и отбора, происходила бессознательно. Привычные процедуры принятия решений, автоматизированные до «второй природы», нуждались в вере в предсказуемое будущее. Поэтому исландцы оттачивали механизмы для сдерживания стохастических рисков, создаваемых вулканами, сходом лавин и неустойчивой погодой. Насилие в форме межродовой вражды, с точки зрения Фалька, должно было приручить непредсказуемые природные риски или хотя бы замаскировать их (с. 261).

При этом Фальк полагает, что поджоги (как обуздание и направление природной стихии на собственные нужды) в рамках его концепции больше похожи на войну, чем на вражду. А это, с его точки зрения, переопределяет культурную антипатию к использованию огня в качестве оружия (с. 268–269). Нарративизация природы в сагах, по мнению Фалька, обнажает уловку, которая могла бы в равной степени применяться и к трансмутации жестокости людей из реальных происшествий в текстовые события. Фальк считает, что распространенное авторское вмешательство в природу должно склонить нас к подозрению о столь же частом иска-

жении в саговом нарративе человеческого поведения, насильственного или любого иного (с. 275). Это, в свою очередь, продолжает давнюю дискуссию об возможностях использования саг в качестве исторических источников.

Главный тезис О. Фалька состоит в том, что насилие в социальной и политической сфере, в средневековой Исландии выражавшееся в межродовых распрях, блокировало зарождение государства на острове и открытые военные действия, а риски в окружающем мире (в первую очередь, последствия вулканической деятельности) способствовали «приручению» природы через очеловечивание окружающей среды.

Известный исландский саговед Сверрир Якобссон в своей рецензии на эту книгу О. Фалька отмечает новизну и полезность его методологического подхода (Sverrir Jakobsson 2021. Р. 196). Говоря о достоинствах книги, Сверрир, однако, высказывает свое несогласие с трактовкой Фальком ряда исторических эпизодов (Ibid. Р. 197 со ссылкой на с. 75–83 рецензируемой книги, на которых идет речь о противостоянии Арнора и Сигхвата).

В целом книга О. Фалька – это междисциплинарное исследование насилия в средневековой Исландии, которое преследует три взаимосвязанные цели. Во-первых, оно строит новую глубоко фундированную культурно-историческую модель для понимания насилия. Во-вторых, предлагает новый подход к изучению исторической памяти, выдвигая концепцию «ухронии». В-третьих, раскрывает связь экологических рисков (для Исландии это, в первую очередь, вулканическая деятельность) и социальных процессов. Эти проблемы никем из исследователей «мира саг» до О. Фалька не поднимались. Кроме того, по мнению О. Фалька, методологический подход, предложенный в этой книге, может быть применен к изучению более раннего периода средневековой скандинавской истории, а именно «эпохи викингов» (ок. 800–1100 гг.) (с. 281).

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Гуревич А.Я. История и сага. М., 1972. [Gurevich A.Ya. Istoriya i saga (History and Saga). Moscow, 1972.]
- Гуревич А.Я. Избранные труды. Т. 4: Норвежское общество. СПб., 2009. [Gurevich A.Ya. Izbrannyye trudy. T. 4: Norvezhskoye obshchestvo (Selected Works. T. 4: Norwegian Society). St. Petersburg, 2009.]
- Стеблин-Каменский М.И. Мир саги. Л., 1971. [Steblyn-Kamenskiy M.I. Mir sagi (The Saga Mind). Leningrad, 1971.]

Эйнар Ольгейрссон. Из прошлого исландского народа: Родовой строй и государство в Исландии / Пер. с исл. В.П. Беркова; ред., предисл. и примеч. М.И. Стеблин-Каменского. М., 1957. [*Einar Olgeirsson. Iz proshlogo islandskogo naroda: Rodovoy stroy i gosudarstvo v Islandii (Ættasamfélag og ríkisvald í þjóðveldi Íslendinga)* / Per. s isl. V.P. Berkova; red., predisl. i primech. M.I. Steblin-Kamenskogo. Moscow, 1957.].

Douglas M., Wildavsky A. Risk and Culture: An Essay on the Selection of Technical and Environmental Dangers. Berkeley, 1982.

Elias N. Über den Prozeß der Zivilisation. Soziogenetische und psychogenetische Untersuchungen. Basel, 1939.

Fletcher J. Violence and Civilization: An Introduction to the Work of Norbert Elias. Cambridge, 1997.

Foucault M. Histoire de la sexualité. 3 vols. P., 1976–1984.

Saga Guðmundar Arasonar, Hólabiskups, eptir Arngrím ábota // Biskupa sögur / Guðbrandur Vigfússon, Jón Sigurðsson, Þorvaldur Bjarnarson, Eiríkur Jónsson. Kaupmannahöfn, 1878. Bd. 2. P. 1–220.

Sverrir Jakobsson. [Review:] Violence and Risk in Medieval Iceland. This Spattered Isle. By Oren Falk. Oxford University Press. Oxford, 2021. xiii + 358 pp. ISBN 978-0-19-886604-6 // Saga-Book. 2021. Vol. XLV. P. 195–197.

Elena V. Litovskikh

NO RISK, NO STATE

This is a review of a recently published book by a saga scholar from the USA Oren Falk dedicated to the first period of Icelandic history (before 1262, the so-called “Icelandic Commonwealth”): *Falk O. Violence and Risk in Medieval Iceland: This Spattered Isle*. Oxford: Oxford University Press, 2021. XIII, 358 p. ISBN: 978-0-1988-6604-6. DOI: 10.1093/oso/9780198866046.001.0001. Falk addresses not only the widely known (and long ago translated into many languages, Russian among them) family sagas and the *Sturlunga saga*, but also those sagas and *þættir* that are rarely used as sources and therefore poorly known (or completely unknown) to the general reader. Falk pays special attention to the analysis of *Guðmundar saga Árasonar*, the saga about *Guðmund Árason*, a bishop of Hólar in the early 13th century who played major role in the strife of the *sturlungaöld*, which ultimately led to Iceland’s loss of independence.

Falk has developed new analytical models in source studies and narratology, introducing risk theory into the analysis of Icelandic sagas within the framework of a structuralist approach. He builds a new, deeply founded, cultural-historical model for

understanding violence and offers a new approach to the study of historical memory, putting forward the concept of *uchronia*.

In addition, Falk reveals the connection between environmental risks (for Iceland, this is primarily volcanic activity) and social processes. No scholars before Oren Falk had ever set any of these tasks. Falk suggests that social and political violence, expressed in clan feuds in medieval Iceland, blocked the emergence of a state on the island and open warfare, while risks in the surrounding world (the effects of volcanic activity, etc.) contributed to the “taming” of nature through the humanization of the environment. As Falk seeks to show, violence in medieval Iceland offered some of the universal solutions to the problems of individual and collective social activity, a technology for mitigating and redirecting risks in a world where predictability was always at a premium.

Keywords: Iceland, source criticism, sagas studies, *Guðmundar saga Árasonar*, risk theory, historical anthropology

DOI: 10.32608/1560-1382-2025-46-317-325